

Мужские игры

Автор:

Муса Мураталиев

Мужские игры

Муса Мураталиев

В повести "Мужские игры" автор поднимает реальное событие до уровня мифологии. Четыре человека и под ними четыре коня бьются за тушу златорунного козла в традиционной групповой баталии – козлодрании. Усердия людей подкрепляются действиями их коней, напоминая бой кентавров, при этом достигается взаимопонимание животных и седоков тактильным способом. В тексте «Охота на волков» писатель метафорично представляет реальный мир недавнего тоталитарного общества, когда человек, оказавшийся в кафкианской ситуации, чувствовал себя винтиком в руках власти, теряя веру в себя.

Мужские игры

1

Первым к туше козла протянул руку Кожомжар.

Его короткопалая пятерня правой руки утонула в густой золотистой шерсти козла.

Крепко-накрепко схватив её завитки и кожу под ней, он остановился.

Удержать на весу такую тушу – без малого три пуда – было нелегко!

Тем не менее, рванул тушу к себе, подтянул к правому колену, прочно прижатому к боку коня.

Его конь, по кличке Сарала, протестующе мотнув головой, переступил с ноги на ногу и подал чуть влево.

Но в нужный миг Кожомжар, помогая себе носком кирзового сапога, приподнял тушу выше, а потом перебросил её на седло впереди себя.

Да, тот самый вес, на который игрок был нацелен со вчерашнего дня.

Он, в числе других участников игры в козлодрание, десятка джигитов, зашёл посмотреть на выхолощенного двухгодовалого козла.

Козёл щипал зелёную траву, равнодушный к окружившим его людям.

Шерсть у козла была необыкновенно красива, будто из чистого золота.

Рога длиннющие и очень острые.

И, видно, скотина очень тяжёлая.

Один джигит, подойдя, обхватил козла и попытался его приподнять.

За ним и Кожомжар попробовал сделать также: свои силы надо заранее опробовать, чтобы потом во время игры как бы не дать промашку.

Тут скотина вдруг как боднёт, что Кожомжар чуть было с ног не свалился!

Согнулся, но не упал, а опёрся о загородку.

Выпрямился и отошёл подальше от козла.

Сделал вид, что ничего особенного не произошло, хотя на левом бедре сильно заныло.

Дома обнаружилась ссадина в палец шириной с запёкшейся кровью.

Хорошо ещё, что рога скотины не прорвали груботканую брючину.

Подготовить тушу к игре – дело не простое.

Тут хороший резник нужен.

Нужно не только умело выпотрошить внутренности козла, спустить кровь, оскопить, копыта, плюсны да голову отсечь так, чтобы шкура нигде не была надорвана, ни одно из шестидесяти восьми сочленений костяка туши не потерялись.

Опытный глаз Кожомжара сходу определил перед началом игры: вчера всё было сделано, как надо.

Златорунная туша выглядела прочной и нерасчленимой, будто сама природа такой её и сотворила – безрогой и с усечёнными конечностями.

Опытный жеребец Сарала мигом пришёл в возбуждённое состояние, получив от седока каблуками сапог удары по рёбрам.

Сарала чуть пулей не рванул, но тут же резануло в углах губ: хозяин призвал бежать его не изо всех сил, как ему хотелось.

Он пошёл боком – от избытка желания рвануться вперёд, потом выровнялся и поскакал так, как хотелось Кожомжару.

Игрок из аила Акмуз был уверен в своём боевом коне и, расслабив поводья, предоставил ему свободу бега.

Направление взял к тому месту, заранее определённой судьёй, где лежала туша козла.

Час назад игроки явились на поле козлодрания, восточной окраины необъятной долины Чештубе.

Едет стремя в стремя с Кожомжаром плечистый джигит Сакий игрок из лесхоза Тарагай.

Жребий определил им быть в сегодняшней игре напарниками.

Оба выходцы из аилов восточной окраины долины, в народе их называют «богоштунцами», потому как долину Чештубе с этой стороны окаймляет горная гряда Богошту.

Их на перехвате ожидают двое игроков, выходцев из аилов западной окраины – «ташрабатцы», потому как на той стороне долины находится старинный памятник – ТашРабат.

Животновод Кожомжар припоминает одного из них, кажется, Керимом его зовут.

Он живёт в райцентре Аккала, шофёром работает в РТСе.

Люди поговаривают, что он игрок неплохой.

А вот лошадей их Кожомжар совсем не знает.

Одна – гривастая, мохноногая, а другая – каурая.

Вот и всё, и больше ничего не может сказать о них.

Очень близко стоят друг к другу перехватчики.

Будто и лошади их понимают, что схватка предстоит нешуточная.

– Надо бы что-то узнать о лошадях, – пробормотал тут животновод из аила Акмуз.

Безработный Сакий кое-что знал о лошадях соперников.

О гривастом, по кличке Чабдарат у джигита из аила Пограничник,

И о коне по кличке Азотору, шофёра из райцентра.

Тут Сакий услышал голос напарника:

– Эй, ты, слышь! – сказал животновод. – Меня зовут Кожомжар, да... Ты подбадривай меня, понял?

Безработный промолчал, тогда Кожомжар закончил свою мысль:

– Без поддержки у меня всё из рук валится.

– Что они стали как вкопанные? – буркнул Сакий, делая вид, что не замечает волнения сотоварища.

Скотовод, тут круто повернувшись в седле, посмотрел на Сакия, увидев, его широкие плечи отвернулся.

Безработный тоже взглянул на своего напарника, а потом перевёл взгляд с лица на руки Кожомжара.

Пальцы животновода для такой игры показались ему излишне короткими.

– Как они кинутся, забираем тушу в середину, промеж нас, – напомнил безработному Кожомжар и добавил, – не прозевай!

Тот ответил ему обнадеживающе:

– Договорились...

Скотовод сказал только:

– Неуверенность в себе надо преодолеть!

Перехватчики, игроки ташрабатской стороны, потому не двигались, что место их было удобное: на основной оси поля – Главного Пути Игры.

Они ожидали приближения соперников в той точке, с которой легко обнаруживаются любые манёвры богоштунцев, любое их движение до конечного рубежа.

Главное – вступить в схватку, а там видно будет: у кого мускулы сильнее и мысли пошустрей тот овладеет тушей и помчится к рубежной линии под гул и крики зрителей, стеной стоящих на склонах Айгырджала.

– Посмотрим, что предпримут джигиты-богоштунцы? – говорит Алсейит из аила Пограничник.

Джигиты-ташрабатцы, хотя руки их покоятся на луках сёдел, сами в волнении в ожидании схватки.

Крепкие руки земледельца потемнели от солнца, ветра и пыли.

Под серповидными ногтями – следы грязи, а на безымянном пальце правой руки отсутствует ноготь.

Вместо него натекла роговица, словно кочерыжка.

Алсейит в тот миг поглядел на свою правую руку.

Она от запястья до локтя – будто ровно отёсанное топорщице.

И жил не видать, а тут он, пальцами пошевелив, увидел натянутые как крепкие струны мышцы.

Сравнить, так длинные пальцы рук шофёра Керима выглядят, будто птичьи когти.

Вот как они обвили луку седла, так и успокоились.

Его конь Азотору грыз медные удила.

Мало этого он, вытянув правую ногу, раз-другой ударил копытом о землю, на что в ответ Чабдарат конь Алсейита шумно фыркнул.

Его остроконечные тонкие, будто листочки щавеля, ушные раковины наставлены туда же, куда смотрят глаза, на приближающихся всадников.

Чабдарат недвижно смотрит, понимая, что, должно быть, вот-вот разразится сеча.

Шофёр Керим, ощущая себя истым богатырём, величаво восседал на своём Азотору жеребце, то и дело, переводя взгляд по сторонам, как бы, между прочим, поглядывал и на напарника.

Алсейит из Пограничника, почувствовав, что тот на него смотрит, смутился, неловко улыбнулся, грубые чёрные усы его встопорщились.

– Что это ты остолбенел? – спросил Керим, а мысленно подумал:

«Бедняга... Глаза прячет, будто красная девица. На вид совсем не смелый, хоть отрастил усы».

Аил Пограничник и районный центр Аккала поддерживают между собой постоянные связи.

Шофёр Керим вспомнил, что Алсейит – джигит способный, биться умеет.

Так говорили люди. Не превозносили, но хвалили.

Сам он видит этого замкнутого земледельца первый раз.

Крепок, что и говорить.

Также завидно выглядит его гривастый, с пушистым хвостом.

Только седок его скованный какой-то, будто забитый, хотя конь его – замечательный!

Он не по-скотски, а по-человечьи пронизательно смотрит на приближающихся соперников, особенно на того, кто едет с тушей козла наперевес.

А джигит из Пограничника сидит себе в седле, не поднимая глаз.

Побагровел, похоже – волнуется.

– Приготовились! – скомандовал Керим. – Вон, те ближайšie заросли чия есть наш Рубикон, как только они перейдут его – рванём! Не робеть!

Алсейит с готовностью взял в левую руку поводья, а правой засунул камчу в голенище кирзового сапога, освободив руку для схватки.

Он видел: всё идёт по известным правилам игры.

Единственно, что было им замечено как отклонение от правил, это то, что богоштунцы сбавили скорость, оттягивая время прорыва.

А шофёр Керим подумал: опасаются нас.

Земледелец отметил: послушно, ровно идут их лошади.

Он знает, если послушны седокам и сообразительны кони, то и победа будет за ними.

Говорили, что на козлодрании мало какой конь сравнится с Саралы.

Правда, и то говорили, что если Сарала разгорячится, то становится непослушным, седока куда угодно уведёт, хоть всю узду оборви.

О Карагере, на котором сидит второй богоштунец, слава идёт, как о лучшем коне, но только на короткие расстояния.

Так что с конями у противников всё в порядке.

Им остаётся только слаженно действовать, и победа у них в руках.

А вот о кауром жеребце шофёра из райцентра никто ничего не говорил.

2

Чиль, горная куропатка, вдруг встревожилась и сильно зачирикала.

Приостановилась на бегу. Пробежка и опять остановка.

Тем временем, из-под земли доносились приближающиеся к ней, необычно тяжёлые и гулкие удары.

Матушка-чиль зачирикала с тревогой в голосе: где тут её четырнадцать пёстрых птенчиков.

Нет, больше им, да и ей, матушке-чиль, от белого света ничего не надо.

И тут - опять! Этот странный пугающий, сотрясающий землю топот.

Головка птицы на тонкой длинной шее поднялась вровень с верхушками рыжих травинок, но поблизости никого не увидела.

Вон одинокий куст серого высохшего чия.

А дальше вправо и влево от него – травы.

Как всегда, травы их окружают.

Тут птица заметила среди частокола самых разных стеблей высокие колоски с манящими чёрными зёрнышками.

На кончике одного стебелька, чуть изогнув его, сидел толстый кузнечик.

Зёрнышки следовало показать птенцам, чтобы скорей их поклевали.

Кузнечика, который часто шевелил двумя крупными ногами, птица видела ясно.

А звуков его стрекотанья не слышала: их заглушал сильный топот теперь уже с другой стороны.

– Опасность, опасность!

В поле стало не так вольготно и безмятежно, как всегда!

– Пора, дети, отсидеться в глуши трав, пока минует опасность.

Короткий пёстрый хвост горной куропатки дёрнулся раз и ещё раз!

Пискнула кличем осторожности, предупреждения: где бы ни был каждый из четырнадцати пёстрых, под цвет разнотравья, птенцов – должен застыть на месте!

Всем стать недвижимыми и ждать другого клича матери – зова к себе, чтобы в мгновение ока подкатиться к ней и оказаться под её тёплыми крыльями в безопасности.

Для птенца различать этот зов было самым главным в жизни, главней даже страха.

Опасность должна определить птица-мать.

Надо только слушаться её голоса и не опаздывать, а то место под тёплыми крыльями окажется занятым, и неизвестно тогда, куда податься, кому и для чего нужен такой птенец.

Чиль, мать выводка, сама первой застыла, выжидая последствий приближающихся к ней с двух сторон грозных сотрясений!

Битвы «человека-коня» матушка-чиль никогда не видела.

Опасность встревожила её основательно, но разбирало и любопытство, что же это такое?

Она струной напряглась и всё медлила дать знак «Дети! Ко мне!»

А сама всё слушала и слушала тяжёлые сотрясения земли.

Четырнадцать маленьких живых комочков замерли, как стрелы на оттянутых тетивах.

Чиль первой увидела двух невероятно больших животных: внизу конь, а наверху голова человека.

От них волнами шёл неслышанно жуткий грохот, отдаваясь в глубине земли.

– Опасность! Опасность!

Короткий хвост матушки-чиль дёргается нервозно раз, другой и нечаянно зацепляется за тёмно-зелёный стебель со зрелым колоском.

Колосок тут же отвлек на себя внимание птицы: она знала, что шевелящаяся за спиной трава сулит опасность.

Нельзя столкнуться с нею, учит заложенный в ней опыт всех пернатых.

Горная куропатка проверила взглядом, кинутым за спину, что там случилось, хотя сама оставалась неподвижной, с по-прежнему устремлённым вперёд

КЛЮВОМ.

Выпуклый овал глаз позволял одинаково хорошо видеть всё, что происходит впереди, сзади и по сторонам.

Тёмно-зелёный стебель не опасен, и матушка-чиль всецело переключилась на тех громадин «человек-конь», что появились в поле её зрения неожиданно-негаданно.

Тут вся четвёрка «человек-конь» сошлась, схлестнулась у одинокого чия.

Закудаhtала матушка-чиль, наконец, свой зов.

Ожидавшие столько времени этот клич, от рождения известный знак, птенцы, все четырнадцать струнок, вмиг очутились рядом с ней.

Пёстрые птенцы нашли своё привычное место под расставленными вширь крыльями, как можно теснее прижались к тёплому материнскому телу.

Матушка-чиль опустилась на лапки, чтобы по-настоящему укрыть свой выводок.

Она так и не взяла в толк, насколько опасно для неё и для её птенцов вторжение этой четвёрки?

Смотреть на них теперь у матушки-чиль не было возможности.

Оставаться на месте и укрывать собой детёнышей пока грохот вблизи.

А если «человек-конь» станет приближаться, тогда отправит птенцов бежать врассыпную, чтобы эти не смогли ухватить всех разом.

Если даже будут преследовать одного из них, остальные успеют попрятаться.

И приникла горная куропатка к земле, распушив все свои мелкие да средние перья, чтобы птенцам было уютнее, теплей и, казалось, безопасней.

Вторым протянул руку к златорунной туше эртээсовский шофёр Керим.

А туша козла лежала на луке седла Кожомжара у игрока с западной стороны.

Чуть ли голова с головой сошлись тут, понукаемые седоками кони, Азотору и Сарала.

Вздыбились, потом по воле седоков кони двинулись так, что плотно прижались на миг боками друг к другу.

Правая рука Керима потянулась за тушей, но длинные пальцы его схватили воздух, а не шерсть.

Кожомжар успел рывком перебросить тушу на противоположный бок своего коня.

По правилам игры нельзя хватать соперника за одежду, нельзя тянуть к себе за седло или за повод чужую лошадь.

Кожомжар видел: рука эртээсовского шофёра Керима оказалась длинней, да и выглядит внушительно, хотя пальцы тонкие.

Значит, надо это иметь на уме и подальше держать тушу от его длинной руки.

Второй ташрабатский игрок, Сакий, прикрыл тушу слева.

Тогда оба западники атаковали их с двух сторон.

Правая рука Керима слегка подрагивала на луке седла, казалось, от обиды, что промахнулся в первой попытке.

Пальцы его застыли, будто растопыренные когти сокола перед захватом добычи.

А без малого трёхпудовая козлиная туша била Кожомжара по ноге в такт бегу коня, готовая вырваться из рук в любой момент.

Его напарник, из лесничества Тарагай, скакал справа от своего напарника.

Он придерживал бег своего коня, опустил поводья на гриву своего Карагера, держа наготове руки, чтобы, если надо, помочь напарнику.

Сакий, чуть наклонив голову, неотрывно смотрел через левое плечо на тушу.

Широкие, твёрдые пальцы его сложились в крепкие кулаки. Ему хочется взять тушу в свои руки – спокойней было бы на сердце!

Говорят в народе: если у человека большой палец способен отгибаться сильно назад, то он – мастер своего дела.

У безработного Сакия оба больших пальца отгибались назад так далеко, что дотягивались до запястья.

Он любил детям показывать такой фокус. Даже односельчане часто называли его «Сакий, отогни палец».

Тут он, взглянув на своего напарника Кожомжара – испугался!

Его пятая точка в седле не крепко держится.

Ягодицы наклонились налево, в сторону, где распласталась туша драгоценная.

А вид-то вид! Прямо-таки налит скотовод гордостью.

Он, наверное, думает, вот-вот окажется на финише!

Уместно ли выказывать это после первой короткой схватки?

Третьим к златорунной туше протянул руку Сакий.

Склонился поближе к левому своему колену, потянулся, наклонился ещё ниже, левая рука прикоснулась к грубой шерсти козла.

Тут послышался пугающе громкий окрик:

– Кку-уда?! Куда лезешь? Убери руку!

Это крикнул его напарник.

Кожомжар был, конечно, прав, но азарт не давал безработному покоя.

– Твоё дело – недругов не подпускать к туше козла! – уточнил он. – Смотри, они уже настигают!

Пятерня Сакия само собой отдёргнулась, но он всё же проворчал:

– Сам-то ты! Ровно сиди в седле!

А соколов с востока... видели мы в гробу...

Джигит Кожомжар не ответил.

Показалась конечная точка бескрайнего поля!

Далеко, очень далеко.

Туда во что бы то ни стало надо доставить тушу при одобрительных возгласах тысяч людей, собравшихся на склонах Айгырджала.

Но как это быстро сделать, Кожомжар не знал, а думал только, как оторваться от погони восточных джигитов.

Конь Азотору шофёра Керима и жеребец Чабдарат земледельца Алсейита чуяли, что надо догнать скачущих впереди коней.

Ускорил свой бег Азотору, потому что понял, теперь ему медлить не следует.

– Клином пойдём, а как сойдёмся – так и полетят западники из своих сёдел! – бросил Керим.

– А если не получится? – с опаской возразил Алсейит.

Керим промолчал.

– А может, обгоним и тогда прижать можно их с двух сторон? – предложил тут Алсейит.

– Хор!.. Золото среди камней ищи, ум – у молодых! – похвалил напарника Керим. – Выполним твою затею.

– Ну, так заходите...

– Это я так говорю. Пусть твоя веточка не переломится. Клином пойдём, клином!

Алсейит стушевался, но улыбнулся.

Керим – старший, хоть и похвалил младшего, на деле не считался с его мнением.

Он поднял правую руку, всё ещё с оттопыренными пальцами, вроде соколиной лапы, и махнул ею: ты, мол, обгоняй, заходи.

Алсейит увидел боковым зрением взмах старшего брата, всё понял и, согласившись, кивнул головой.

Тут же пришпорил каблуками кирзовых сапог своего Чабдарата по рёбрам, подгоняя его!

Конь пошёл в полную силу своего бега.

На скаку обошёл Алсейит соперников и поставил Чабдарата поперёк их пути.

Не успели наехать на перехватчика, оттеснить его в сторону, как тут настиг их Керим.

Конь мчался свободно, обе руки Керима были протянуты вперёд на уровне плеч, пальцы на обеих – растопырены, готовы тотчас схватить, выдернуть и не выпустить тушу!

Может быть, у него это такая привычка – скакать во время козлодрания с вытянутыми вперёд руками, вроде какой-нибудь птицы соколиной?

Больше всего он, похож на балобана – крупную со светло-пёстрым опереньем птицу.

Светло-голубая, в белую полоску рубашка Керима, с воротником нараспашку, с засученными до локтей рукавами, словно крылья над плечами.

Хлебопашцу так и показалось: это сокол настиг преследуемую жертву.

Настиг, ударил грудью коня!

Правда, не очень-то преуспел.

Конь, на котором сидел Сакий подставил коню Керима свой крепкий, будто бронированный круп, и тот в последний миг, как подсказало ему нутро, уклонился от столкновения, взяв чуть левее.

Теперь конь стоял головой вперёд – навстречу движущимся на него лошадям с седоками.

Вот так он никогда не стоял во время игры, чтобы кони бежали прямо на него!

Азотору почувствовал ощутимый толчок в ребра, ещё и ещё!

Это натиск, надо остановить! Стоять на месте!

Значит, встретим натиск стоя!

Миг спустя Алсейит оказался между двумя западниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/murataliev_musa/muzhskie-igry

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)